

ФИЛОЛОГИЯ

Научная статья
УДК 82-1
doi: 10.17223/15617793/518/1

К анализу цикла стихов М.А. Волошина «Война»

Анастасия Станиславовна Аристова¹

¹ Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, Москва, Россия, atinnikova@bk.ru

Аннотация. Предпринята попытка линейного прочтения цикла стихов М.А. Волошина «Война» с целью выявления макросюжета цикла, слагающегося из микросюжетов отдельных стихотворений. Прослежено развитие сюжетной линии, связанной образом лирического героя, который проделывает путь от установки постичь бытие своей Родины в первом стихотворении к получению откровения о последствиях и финале происходящих событий в последних стихотворениях цикла.

Ключевые слова: М.А. Волошин, цикл стихов, проблемы циклизации, книга стихов «Неопалимая купина», Первая мировая война

Для цитирования: Аристова А.С. К анализу цикла стихов М.А. Волошина «Война» // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 518. С. 5–14. doi: 10.17223/15617793/518/1

Original article
doi: 10.17223/15617793/518/1

To the analysis of M.A. Voloshin's cycle of poems *War*

Anastasia S. Aristova¹

¹ Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation, atinnikova@bk.ru

Abstract. This article attempts to analyze M.A. Voloshin's poetic cycle *War* ("Voyna") with the aim of revealing its macro-plot, which is composed of the micro-plots of individual poems. The methodological basis for the analysis of this cycle of poems was provided by the already classic works on the theory and history of the lyrical cycle: M. N. Darwin, I. V. Fomenko, R. Vroon, in which it is convincingly proven that the Symbolists and poets of the near-Symbolist circle thought not in terms of individual poems, but in cycles and books of poems. As a result of analyzing the cycle's poems, the author concludes that the unifying theme of *War* is the portents and omens of catastrophes yet to come, prophecies of impending disasters and the arrival of a chiliastic end. The poems are interconnected through motifs that migrate from one poem to the next. A chain-like connection can be traced: words and images mentioned in one poem are developed in the subsequent one. For example, if in the first poem the lyrical hero yearns to partake in the anguish of his land ("Tvoyey toske prichastit'sya" [To partake in your anguish]), the image of the next poem becomes the flesh of the world, seized by a universal anguish in which the hero himself partakes ("Vse vo mne i ya vo vsekh: odnoy / I odna – toskoyu plot' ob'yata" [All is within me and I am in all: one / And united – the flesh is seized by anguish]). In the following poem, the hero, "tormented by dreams," takes shelter from the "approaching storm" in a saving ark. Later, the image of the "storm" unfolds as the image of impending military action, whose approach the hero hears as "the seething, muffled bile and blood of the earth." The image of the earth seething with blood gives rise in the next poem to the image of the Evil Sower, linked to the image of the "devilish sowing" in the subsequent poem, where the hero's striving to escape the "tares' seeds" is later realized as salvation from the "vortex of battles" ("Vo sne menya volnoy smylo" [A wave washed me away in my dream]) onto a peaceful shore. Finding himself far from the military actions, the hero becomes a chosen one to whom the meaning and further course of events is revealed (the poems "Prologue" and "Armageddon"). The final poem, "Weariness," foretells the finale of the unfolding events and expresses the hero's faith in a benevolent end and the fulfillment of chiliastic hopes. Thus, the cycle reveals the development of a plotline connected to the image of the lyrical hero, who journeys from an intention to comprehend the essence of his homeland ("Grant me words to pray for you, / To understand your existence") to receiving a revelation about the consequences and finale of the unfolding events. The cycle's integrity is also based on recurring leitmotif images. These include the motifs of anguish, seeds and tares, devilish sowing, unquenched faith, and the hero's impulse to save himself from the influence of the trichinæ leading to spiritual death. The unifying theme of the cycle is war; all poems represent the hero's contemplation of warfare, his striving to uncover the spiritual causes of war, to learn of its consequences, and to discover where the "great martial clamors" lead.

Keywords: М.А. Волошин, цикл стихов, циклизации проблемы, книга стихов "The Burning Bush", Первая мировая война

For citation: Aristova, A.S. (2025) To the analysis of M.A. Voloshin's cycle of poems *War*. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal.* 518. pp. 5–14. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/518/1

Настоящая статья посвящена анализу цикла стихов М.А. Волошина «Война». Методологической основой анализа данного цикла послужили ставшие уже классическими работы по теории и истории лирического цикла М.Н. Дарвина, И.В. Фоменко, Р. Вроона, в которых убедительно доказывается, что символисты и поэты околосимволистского круга мыслили не отдельными стихотворениями, а циклами и книгами стихов, которые противопоставлялись собраниям случайных стихотворений как целостный текст с тщательно продуманной структурой, где каждое отдельное стихотворение вписывается в макросюжет цикла или книги и является звеном в его развитии. Таким образом, в поэзии Серебряного века цикл и книга стихов представляют собой новые жанровые образования, имеющие ансамблевое строение, целостность которого создается различными циклическими связями (образами-лейтмотивами, сквозными сюжетами) между самостоятельными автономными произведениями.

Цикл стихов М.А. Волошина «Война» является первым циклом в книге стихов о войне и революции «Неопалимая Купина» (анализу книги стихов М.А. Волошина «Неопалимая Купина» и проблемам циклизации внутри данной книги нами уже был посвящен ряд статей [1–3]). Такое положение цикла – в самом начале книги придает ему особую значимость. В статье предпринята попытка линейного прочтения цикла стихов М.А. Волошина «Война» с целью выявления макросюжета цикла, слагающегося из макросюжетов отдельных стихотворений.

О том, что последовательность стихотворений цикла не случайна, а представляет тщательно продуманную структуру, свидетельствует порядок следования стихотворений, который не совпадает с порядком их написания (первое стихотворение датируется 17 августа 1915 года, второе – 5 февраля 1915, третье – августом 1914 и т.д.). Соответственно, при создании цикла имело место два процесса – написание стихов и их группировка, а автор выступал сначала в роли сочинителя отдельных стихотворений, а потом в роли составителя более крупного произведения – цикла.

Цикл «Война», начинающий книгу «Неопалимая Купина», довольно велик: состоит из одиннадцати стихотворений. Название цикла определяет тему входящих в его состав стихотворений: тема войны, «шумов ратных» является сквозной, через нее вводятся остальные темы.

Цикл начинается стихотворением **«Россия»** (анализу данного стихотворения нами была посвящена отдельная статья [4]), которое, как было замечено Е.И. Орловой, Волошин сознательно исключил из ранее опубликованной книги «Anno mundi Ardentis. 1915», однако отвел ему важное место в книге «Неопалимая Купина» [5]. В первом стихотворении задается основная тема всей книги – судьба России, ее «бытие», непостижимое для «взора иноплеменного». В соответствии с заглавием цикла в первых двух строфах тема войны является ведущей:

Враждующих скорбный гений
Братским вяжет узлом,

И зло в тесноте сражений
Побеждается горшим злом.

Взвивается стяг победный,
Что в том, Россия, тебе?
Пребудь смиренной и бедной –
Верной своей судьбе [6. Т. 1. С. 221].

Противники здесь не противопоставлены, а уподоблены друг другу, занимаясь одним делом, они связаны «братским узлом», находятся «в тесноте сражений». Во второй строфе государственно-политическая тема переводится в иной, философско-библейский план. Лирический герой призывает Россию не к победе, а к сохранению «верности своей судьбе», суть которой раскрывается в следующих строфах, где явлен кенотический образ России:

Люблю тебя побежденной,
Поруганной и в пыли,
Таинственно освещенной
Всей красотой земли [6. Т. 1. С. 221].

Герой любит Россию не тогда, когда она переживает дни славы и побед, но когда она побеждена и унижена. Такая любовь к отчизне невольно отсылает к «странной любви» лермонтовского стихотворения «Родина». Поруганная и побежденная Россия является для героя носительницей света, так как является меньшее зло по сравнению со своим противником, ибо «зло в тесноте сражений / побеждается горшим злом», потому «поражение на физическом плане» есть победа на духовном¹. Побежденная и поруганная, в «лике рабьем» Россия *таинственно освещена* красотой земли. Видение света в рабском, униженном облике России отсылает к стихотворению Тютчева «Эти бедные селенья»: «Не поймет и не заметит / Гордый взор иноплеменный, / Что сквозит и *тайно светит*² / В наготе твоей смиренной» [7. С. 113], сочетание «тайно светит» почти дословно воспроизводится у Волошина – «*тайно светленой* всей красотой земли». Образ «хозяина», хлещущего лошадь «по кротким глазам», отсылает к сцене избиения лошади в сне Раскольникова: «подле лошадки он забегает вперед, он видит, как ее секут по глазам, по самым глазам!» [8. С. 58]. В сне Раскольникова избиваемая тощая лошадь, «саврасая клячонка», запрягается в большую телегу, в какую обычно запрягали больших ломовых лошадей. Россия, смиренная, бедная, «в лице рабьем», побежденная и поруганная, соотносится с этой маленькой лошадкой, как писал сам Волошин: «Я хотел, чтобы в этой строфе было напоминание о Достоевском, так как считаю это мировым символом России» [6. Т. 10. С. 454]. Но, несмотря на этот внешне слабый и смиренный облик, Россия, подобно лошади из сна Раскольникова, влечит непосильную ношу, поэтому в следующей строфе говорится о непостижимой, неземной силе, неизмеримой «здесьшими мерами»: «Сильна ты *нездешней* мерой, / *Нездешней* страстью чиста, / Неутоленною верой / Твои запеклись уста» [6. Т. 1. С. 222]. Эпитеты «нездешняя» вводят тему непостижимости природы России земным умом, что отсылает к строкам Тютчева:

«Умом Россию не понять, / Аршином общим не измерить, / У ней особенная стать, / В Россию можно только верить» [7. С. 173], где задаются мотивы и «нездешней», не «общей меры» и особого пути, что роднит стихотворение со славянофильским пониманием судьбы и назначения России.

Здесь следует обратить внимание на стихотворение А.С. Хомякова со сходным названием – «России». Необходимо отметить, что анализируемое стихотворение Волошина впервые было опубликовано вне цикла в ежедневной газете «Власть народа» 28 июля 1917 г. и первоначально имело такое же название, как и у Хомякова, – «России» [6. Т. 1. С. 511]. Ориентация на это стихотворение кажется несомненной, исходя не только из первоначально одинаковых названий. Ведущей темой в стихотворении Хомякова является противопоставление временного хрупкого государственного величия, которого можно в одночасье лишиться, как его когда-то лишились Рим и Монголия, и духовной крепости, которую нельзя поколебать внешними обстоятельствами. Внешней мощи государственного величия и процветания, которое хрупко и прходяще, противопоставляется незыблемая сила молитвы и смиренного принятия «Глагола Творца»:

Бесплоден всякий дух гордыни,
Не верно золото, сталь хрупка;
Но крепок ясный мир святыни,
Сильна молящихся рука!
И вот за то, что ты *смиренна*,
Что в чувстве детской простоты,
В молчанье сердца *сокровенна*
Глагол Творца прияла ты, –
Тебе он дал свое призванье,
Тебе он светлый дал удел
Хранить для мира достоянье
Высоких жертв и чистых дел [9. С. 45].

Оба стихотворения – Волошина и Хомякова – объединяют мотивы смиренного принятия своего назначения, противопоставление смиренения и гордости, внешнего величия и внутренней силы, а также вера в особый исторический путь России.

Переход из «здесьшнего» плана в «нездешний» приводит к тому, что от унижения и поругания герой переходит к сакрализации образа России. Стиль последней строфы становится молитвенным, герой ищет слов, чтобы молиться о России: «Дай слов за тебя молиться», в финальных же строках стремление героя молиться о России превращается в молитвенное обращение к ней: «Твоей тоске причаститься, / Сгореть во имя

Тени сизые смесились,
Цвет поблекнул, звук уснул –
Жизнь, движенье разрешились
В сумрак зыбкий, в дальний гул...
Мотылька полет незримый
Слышен в воздухе ночном...
Час *тоски* невыразимой!..
Всё во мне, и я во всем!..
Сумрак тихий, сумрак сонный,
Лейся в глубь моей души,
Тихий, томный, благовонный,
Все залей и утиши.

твое». «Имя твое» – молитвенная формула, отсылающая к молитве Господней: «Да святится имя Твое».

Сакрализация образа России осуществляется не только через молитвенное обращение к ней, но и через употребленное здесь слово «причаститься»: «Твоей тоске причаститься...». «Причаститься» – значит быть не сторонним наблюдателем, а участником, вовлеченным в происходящее. Также слово «причаститься» вызывает прежде всего ассоциации с таинством Евхаристии, когда принимающие Тело и Кровь Христовы не просто принимают в себя Христа, но претворяются в Него, становятся Его частью. Понять «бытие России» можно лишь на своем собственном опыте, мысль о том, что постигнуть судьбу и природу родной страны невозможно через простое отстраненное наблюдение, но только лишь через единение с нею, став ее частью, сходна со стихотворением А. Блока «Вот он – Христос – в цепях и розах»: «И не постигнешь синего ока, / Пока не станешь сам как стезя... / Пока такой же нищий не будешь, / Не ляжешь, истоптан, в глухой овраг, / Обо всем не забудешь, и всего не разлюбишь, / И не поблекнешь, как мертвый злак» [10. Т. 2. С. 84].

Таким образом, в первом стихотворении цикла задаются темы: преимущества духовной победы над физической, мотив неутоленной веры, возвеличение и сакрализация в «нездешнем» плане внешне поруганной России, а также дается гносеологическая установка цикла: герой стремится постичь бытие своей Родины.

В следующем стихотворении «В эти дни» продолжается развитие темы первого стихотворения – братского единства враждующих, но если в первом стихотворении враждующих объединяло общее дело войны, то здесь противоборствующие стороны представлены как единая плоть, как разодраный в себе самом дух: «В эти дни не спазмой трудных родов / Схвачен дух: внутри разодран он / Яростью сгрудившихся народов, / Ужасом разъявшимися времен» [6. Т. 1. С. 223]. В финальных строках первого стихотворения герой только стремится быть причастным тоске своей Родины – «Дай <...> твоей тоске причаститься», здесь он уже причастен тоске, но не личной, а всеобщей, которой объято тело всего мира: «Все во мне, и я во всех; одной / И одна – *тоскою* плоть объята / И горит сама к себе враждой». Выражение «все во мне, и я во всех» является видоизмененной формулой тютчевского стихотворения «Тени сизые смесились»: «всё во мне, и я во всём» (165). Ориентация на это стихотворение Тютчева очевидна, поэтому для большей наглядности приведем оба этих стихотворения полностью:

В эти дни великих шумов ратных
И побед, пылающих вдали,
Я пленён в пространствах безвозвратных
Оголтелой, стынущей земли.
В эти дни не спазмой трудных родов
Схвачен дух: внутри разодран он
Яростью сгрудившихся народов,
Ужасом разъявшимися времен.
В эти дни нет ни врага, ни брата:
Все во мне, и я во всех; одной
И одна – *тоскою* плоть объята
И горит сама к себе враждой.

Чувства – мглой самозабвенья
Переполни через край!..
Дай вкусить уничтоженья,
С миром дремлющим смешай! [11. Т. 1. С. 159].

Лирический герой в стихотворении Тютчева стремится к тому, чтобы раствориться в «тихом, томном, благовонном» сумраке, формулой «все во мне» передается состояние достигнутого слияния с безличным миром природы, чтобы «вкусить самозабвения» в «час тоски невыразимой», отречившись от своего уединенного существования и растворив его в жизни природы. У Волошина используется то же тютчевское сочетание, но «всё» заменено на «все»: сугубо индивидуальная тоска тютчевского героя, побуждающая его к слиянию с «миром дремлющим», у Волошина становится тоской мировой, объемлющей плоть всего мира. Если тютчевский герой стремится к слиянию с безличной природой и сумраком темным, то у Волошина через видоизмененную тютчевскую формулу выражено стремление героя слиться с людьми, но цель слияния с миром людским оказывается подобна цели тютчевского героя: слияние с другими становится тем же, что и стремление к самоуничтожению и гибели у Тютчева, ибо мир лежит во зле, люди уничтожают друг друга. А так как они являются единой плотью, то их вражда является самовольным уничтожением себя же – самоуничтожением: «Одна и одной тоскою плоть объята / И горит сама к себе враждой». Таким образом, соборное слияние с другими становится здесь сродни тютчевскому «самоуничтожению».

В третьем стихотворении цикла «Под знаком Льва» герой оказывается спасен от самоуничтожения. От вовлеченности в братоубийственную войну его спасает укрытие в ковчеге, что соотносится с событиями жизни биографического автора, который в день начала Первой мировой войны оказался вдали от военных действий – на строительстве антропософского храма в Дорнахе. Знаменательно, что спасительное укрытие героя происходит во сне: «Томимый снами я дремал, не чуя близкой непогоды [6. Т. 1. С. 224]», этот мотив спасения во сне повторится в одном из следующих стихотворений цикла – «Другу» («Во сне меня волною смыло / И тихо вынесло на брег» [6. Т. 1. С. 228]), где он будет связан с образом Ариона. Обращение к образу Ноя в ковчеге вносит в стихотворение тему духовной гибели и нравственного падения, устанавливая связь событий библейского времени с событиями современности. Беззакония допотопного человечества переполнили чашу терпения Божия и Бог решил уничтожить его, оставил лишь избранных. Этим беззакониям допотопного человечества уподоблены события Первой мировой войны. Герой же, не принимающий участия в деле вражды и ненависти, оказывается среди избранных. Однако в этом стихотворении еще не ясно, от чего был спасен герой. Известно лишь, что он укрылся в ковчеге от буйства природных стихий – «непогоды»: «Томимый снами я дремал, / Не чуя близкой непогоды; / Но грянул гром, и ветр упал, / И свет померк, и вздулись воды» [6. Т. 1. С. 224].

В эти дни брезвально мысль томится,
А молитва стелется, как дым.
В эти дни душа больна одним
Искушением – развоплотиться [6. Т. 1. С. 223].

То, что скрыто за словом «непогода» и образами природных стихий, раскрывается в следующем стихотворении цикла «Над полями Альзаса»: «Ангел непогоды / Пролил огнь и гром, / Напоив народы / Яростным вином» [6. Т. 1. С. 225]. Непогода, природные стихии раскрываются здесь как образы развернувшихся военных действий, которые начались не произвольно, но потому, что Ангел «пролил огнь и гром», опрокинул чашу с вином «ярости Божией». «Яростное вино» – библейский образ. В комментариях к стихотворению в полном собрании сочинений в качестве библейского источника «яростного вина» указывается книга пророка Иеремии, где Бог повелевает пророку: «Возьми из руки моей чашу сию с вином ярости и наполи из нее все народы, к которым я посыпаю тебя» (Иеремия, 25:12), и Откровение Иоанна Богослова: «Кто поклоняется зверю и образу его... тот будет пить вино ярости Божией...» (14:9-10). Однако, думается, этим список источников не исчерпывается. Прежде всего, на наш взгляд, целесообразна здесь отсылка к восьмой главе Откровения: «И взял Ангел кадильницу, и наполнил её огнем жертвенника, и поверг на землю: и произошли голоса и громы, молнии и землетрясения» (Откр. 8:5). С этого эпизода в Откровении на земле начинаются бедствия. Стихотворение входит в состав этого цикла, сквозной темой которого являются предвестия и предзнаменования грядущих катастроф. Таким образом, то, что происходит вокруг «в эти дни», начинает осмысливаться как начало казней, описанных в Апокалипсисе.

Бои в Альзасе, французской провинции, в августе 1914 г., канонада которых доносилась до Дорнаха, воспринимаются как предвестие апокалиптических бедствий. Однако в самом тексте стихотворения локальная привязка происходящего отсутствует, определить место событий можно лишь исходя из рамочного текста – заглавия «Над полями Альзаса». Само же содержание стихотворения вне связи с заглавием может быть воспринято в обобщенно-библейском ключе: происходящее во второй строфе является следствием того, что апокалиптический «ангел непогоды» обрушил на землю чашу природных бедствий и наполил народы «яростным вином», поэтому в мире начинает разжигаться вражда.

Первые две строфы представляют повествование от третьего лица, однако в третьей строфе появляется субъект речи, который вводится императивной формой глагола «внемли». Присутствие в стихотворении лирического субъекта дает ключ к неразрешимому дотоле факту: «грохотом орудий» и «топотом копыт» гудит тишина, т.е. в действительности на земле царит молчание, никакого грохота с боем не доносится.

Третья же строфа проясняет, что описывавшееся прежде являлось не фиксацией отстраненным автором-повествователем наблюдавших в реальности событий, но восприятием и осмыслением происходящего лирическим субъектом. «Гудение тишины» «грохотом ору-

дий» и «топотом копыт» – это предчувствие говорящим военных бедствий и великой брани в будущем. Поэтому, что услышать, как вскипает «желчь и кровь» земли, можно приклонив ухо не к земле, а «в глубь души», становится ясно, что видимое и чувствуемое относится к будущему, которое открывается вследствие пророческой интуиции говорящего. Слова: «Средь земных безлюдий тишина гудит / Грохотом орудий, / Топотом копыт» [6. Т. 1. С. 225], в которых передается умение слышать лирическим героем в тишине грядущие «шумы ратные», отсылают к «Сказанию о Мамаевом побоище», где повествуется о великой тишине, царившей в стане Дмитрия Донского перед Куликовской битвой («бысть тиҳость велика»). Будущий же звон орудия кровавой битвы, плач жен и матерей в этой тишине сумел услышать обладавший умением слышать землю воевода Боброк. Приклонив ухо к земле, Боброк слышит то, что происходит не в пространственном отдалении, как, например, в сказках, где герой приклоняет ухо к земле и слышит конный топот настигающей его погони, а то, что происходит во временном отдалении – в ближайшем будущем: «И снide с коня и приниче к земли десным ухом на долгъ час. Въставь, и пониче и въздохну от сердца. <...> Слышах землю плачущуся...» [12. С. 171–172]. На способность Боброка «слышать» будущее обращает внимание А. А. Блок в статье «Народ и интеллигенция» (1908), замечая, что в тишине стана Боброк услышал последствия еще несостоявшейся битвы [10. Т. 5. С. 323]. Поэтому у Волошина характерный для «Сказания» мотив припадания ухом к земле преобразуется в мотив вслушивания в собственную душу, обладающую даром пророческого предвидения.

Отсылка к образу воеводы Боброка позволяет провести историческую параллель между Куликовской битвой и событиями Первой мировой войны и революции. Впервые текст Сказания с происходящими в стране событиями связал Блок. Реминисценции из «Сказания о Мамаевом побоище» содержатся в статье Блока 1908 г. «Народ и интеллигенция», где поэт проводит аналогию между современностью и Куликовской битвой. Общим признаком столь отдаленных эпох становится всеобщее кажущееся зтишье и оцепенение, в котором, однако, чуткое ухо прорицателя может уловить звуки плача и воплей от надвигающихся бедствий: «Среди десятка миллионов царствуют, как будто, сон и тишина. Но и над станом Дмитрия Донского стояла тишина; однако заплакал воевода Боброк, припав ухом к земле: он услышал, как неутешно плачет вдовица, как мать бьется о стремя сына. Над русским станом полыхала далекая и зловещая зарница... а в ночь после битвы, и еще семь ночей подряд, она текла, красная от русской и татарской крови» [10. Т. 5. С. 323]. Однако обращение к «Сказанию о Мамаевом побоище» вводит не только тему предзаконования бедствий и войн, но содержит мотив веры в то, что, несмотря на многочисленные жертвы, в конце будет одержана победа, восторжествуют силы света и добра. Рассказав о грядущих бедствиях, Боброк заключает: «А твоего христолюбиваго въинства

много падеть, нъ обаче твой връхъ, твоа слава будеть» [11. С. 172]. Этот сюжет лежит в основе стихотворения Блока 1907 г. «Я ухо приложил к земле», где так же, как в тексте Сказания, выражена вера в конечную победу и благополучный исход борьбы: «Пройдет весна – над этой новью, / Вспоенная твоюю кровью, / Созреет новая любовь». В финальном стихотворении цикла «Война» Волошин также выражена вера в то, что в конце войн и мятежей наступит мир и благоенствие: «И для брани вдруг иссякнет время <...> Алый Всадник потеряет стремя, / И оружье выпадет из рук» [6. Т. 1. 236].

Стихотворение написано трехстопным хореем с перекрестной рифмовкой abab. М. Гаспаров в статье «Стих и смысл (семантика 3-стопного хорея)», анализируя семантические возможности указанного в заглавии размера, среди других примеров приводит и стихотворение Волошина «Над полями Альзаса», характеризует способность трехстопного хорея изображать тему бунта и при этом поясняет, что у Волошина она связана с темой войны. Проследив эволюцию семантического потенциала данного стихотворного размера, Гаспаров приходит к выводу, что «знакомая трехстопному хорею тема смерти (Сологуб «Много было весен и опять весна», Лохвицкая «И когда умру я / Помолись о мне», Гумилев «Кто лежит в могиле / Слышит дивный звон») расширяется от личных до общих масштабов» [13. С. 249–250].

Лирический субъект стихотворения Волошина призывает приклонить ухо, чтобы услышать, «как вскипает глухо желчь и кровь земли». Услышать же в тишине топот копыт и грохот орудий может лишь тот, кто обладает неким вещим знанием. Обладание вещим знанием, умение «слышать землю» позволяет сопоставить лирического героя стихотворения Волошина с воеводой Боброком. Здесь как бы совмещаются два голоса – автора Откровения Иоанна Богослова и героя «Сказания». Однако рамочный текст, локализующий происходящее в определенном времени и определенном пространстве, позволяет разглядеть лирическую маску апостола-пророка и героя «Сказания», за которой скрывается лирический герой, соотносящий себя с обоими. Волошин разделяет концепцию Блока, согласно которой знаковые исторические события повторяются в судьбе народа. Такими ключевыми событиями в книге «Неопалимая Купина» становятся Смута, старообрядческий раскол, восстание Степана Разина. Ключевым для Блока событием была Куликовская битва, сходство с современностью он находит в состоянии оцепенения и кажущегося покоя, за которыми скрываются назревающие великие потрясения. Более ясно эти предчувствия на фоне всеобщего покоя, оцепенения и мира выражены в поэме «Возмездие»: «В те годы дальние, глухие, / В сердцах царили сон и мгла: / Победоносцев над Россией / Простер совиные крыла». Волошин также как важный знак времени отмечает царившее в людях всеобщее зтишье накануне великих потрясений и бедствий. Образ «всемирной тишины» возникает в стихотворении 1921 г. «Потомкам»:

Мы вышли в путь в закатной славе века,
В последний час *всемирной тишины*,
Когда слова о зверствах и о войнах
Казались всем неповторимой сказкой.
Но мрак и брань, и мор, и трусы, и глад
Застигли нас посереди дороги:
Разверзлись хляби душ и недра жизни,
И нас слизнул ночной водоворот [6. Т. 1. С. 349].

Однако здесь образ тишины, гудевшей звуками приближающихся катастроф, является осмыслением уже свершившейся трагедии. В стихотворении же «Над полями Альзаса» он имеет значение предвидения и предсказания.

В стихотворении «**Посев**» (1915) образ вскипающей «жёлчью и кровью» земли, которым заканчивается предшествующее стихотворение, порождает образ «Недоброго Сеятеля»: «Но сталь и медь, / Живую плоть и кровь / Недобрый Сеятель / В годину лжи и гнева / Рукою щедрою посеял» [6. Т. 1. С. 226]. Семена, брошенные «Недобрый Сеятелем», являются образным продолжением темы предчувствия грядущих бедствий: «Бед / И ненависти колос, / Змеи плевел / Вздохнут в полях безрадостных побед...» [6. Т. 1. С. 226]. Семена только брошены, но лирический герой уже предвидит то, что из них прорастет. Следующее стихотворение «**Газеты**» продолжает тему «недоброго посева». Здесь конкретизируется образ того, кто скрывается за посевшим «бед и ненависти колос» «Недобрый сеятелем»: посев называется «дьявольским семеном». Место действия переносится с полей сражений в газеты, где «в строках кровавого листа кишают смертельные трихины», подобно моровой язве проникающие в умы и души людей, заражая их ненавистью и жаждой мести. Лирический герой пытается спастись от воздействия губительных «трихин» – ложных идей, отстранившись от происходящего: «Не знать, не слышать и не видеть... / Застыть, как соль... уйти в снега...» [6. Т. 1. С. 227]. И в конце неожиданно обращается к Тому, кто противоположен «Недоброму Сеятелю», с молитвенной просьбой не поддаться всеобщим настроениям мести, гнева и вражды: «Дозволь не разлюбить врага / И брата не возненавидеть!» [6. Т. 1. С. 227].

Выраженный в молитве порыв героя «застыть» и «уйти в снега», чтобы не заразиться царящими в обществе военными настроениями и жаждой мести, не остается неуслышанным. В следующем стихотворении «**Друг**», которое по смыслу перекликается со стихотворением «Под знаком Льва», лирический герой оказывается чудесным образом вынесен из «круговорота битв» на спасительный мирный берег. Стихотворению предписан эпиграф из пушкинского «Ариона»: «А я, таинственный певец, / На берег выброшен волною». В самом стихотворении имя Ариона прямо не упоминается, однако эпиграф указывает на то, что поэт соотносит свою судьбу с судьбой пушкинского Ариона. Стихотворение Пушкина, из которого взят эпиграф, было написано в 1827 г. Как замечают Анна Мария Басом и Г.С. Глебов, политическим подтекстом стихотворения является восстание декабристов, «суровая расправа

над ними, усиление реакции во всех областях общественной жизни» [14. С. 300; 15. С. 119–137]. Обращаясь к древнегреческому сюжету, Пушкин, как писал об этом В.Е. Якушкин, «аллегорически, в поэтической картине изобразил <...> всю историю своих отношений к заговорщикам, их судьбу и свое последующее одиночество... Несмотря на аллегорию, картина по отношению к Пушкину вполне верна истине. Он был только певцом тех идей, которые лежали в основе общественного движения 20-х годов и деятельности тайных обществ. Катастрофа 14 декабря поглотила передовых деятелей, певец же уцелел, буря случайно его пощадила» [16. С. 30]. Однако, используя легенду об Арионе, Пушкин существенно изменяет и перерабатывает традиционный сюжет. Согласно повествованиям Геродота и Овидия, Арион, своим необыкновенным песенным даром снискавший себе благоволение правителя Сицилии и получивший много даров, решил вернуться в родной Коринф. Однако корабельщики решили завладеть его сокровищами, а самого певца убить. Перед смертью Арион просит дать ему в последний раз спеть песню и сыграть на кифаре. Исполнив прощальную торжественную песнь, он бросается в море, где очарованный его пением дельфин (в некоторых редакциях указывается, что он был послан Аполлоном) подхватывает его и выносит на берег. В стихотворении же Пушкина корабельщики не угрожают певцу, но являются его товарищами, вместе они плывут к желанной цели, но, если его спутники «парус напрягали», то поэт не действовал, а только пел. В finale товарищи гибнут в результате шторма, а поэта доставляют к берегу не дельфин, а выбрасывают «грозой». Гроза – царская немилость: «Лишь я, таинственный певец, / На берег выброшен грозою, / Я гимны прежние пою / И ризу влажную мою / Сушу на солнце под скалою» [17. Т. 1. С. 173]. Известно, что Пушкин не мог быть со всеми на Сенатской площади, так как ему было запрещено выезжать из Михайловского, от участия в неудавшемся восстании его спасла царская немилость – «гроза».

Волошин кладет в основу стихотворения пушкинскую переработку легенды об Арионе. Подобно пушкинскому герою, лирический герой Волошина плывет в лодке не с врагами, а с товарищем: «Снастили мы одну ладью; / И, зорко испытуя дали / И бег волнистых облаков, / Крылатый парус напрягали / У Киммерийских берегов» [6. Т. 1. С. 228]. Однако важным отличием от пушкинского сюжета является то, что герой Волошина спасен не наяву, а во сне: «Во сне меня волною смыло / И тихо вынесло на берег». Друг же остался в «круговороте битв», потому что он «пловец с душой бессонной». Спасительная роль сна указывает на то, что герой, подобно Ариону, был спасен искусством, которым является его песенный дар. В статье «Аполлон и мышь» Волошин называет искусство золотым сном Аполлона, дарующим возможность отрешиться от обыденной реальности: «Мир Аполлона – это прекрасный сон жизни; жизнь прекрасна, лишь поскольку мы воспринимаем ее как свое сновидение» [6. Т. 3. С. 137]. Также, указывая на спасение во сне, а не наяву, герой

подчеркивает, что для него важно уцелеть не физически, а духовно – быть непричастным к кровопролитиям и насилию. В предыдущем стихотворении герой молил: «Дозволь не разлюбить врага / И брата не возненавидеть!» [6. Т. 1. С. 227]. В этом стихотворении он оказывается вынесен искусством из «круговорота битв». Если в пушкинском «Арионе» остается неизвестным, какие песни пел спасенный певец, замечается лишь, что это «гимны прежние», то в стихотворении Волошина песней вынесенного на спасительный берег поэта оказывается молитва о друге. Таким образом, лирический герой преодолевает воздействие губительных трихин, молясь о своем друге (не возненавидел брата) и, оказавшись вдали от битв, уподобляется Ариону, спасением для которого стал его песенный дар. Ненависть губительна, песенный дар героя претворяется в молитву о ближнем, становясь спасением от «дьявольского сева» ненависти и вражды не только для самого лирического героя, но и для его друга, о спасении которого он молит: «И здесь, у чуждых берегов, / В молчаньи ночи одинокой <...> Я буду волить и молить, / Чтобы тебя в кипеньи битвы / Могли, как облаком, прикрыть / Неотвратимые молитвы» [6. Т. 1. С. 228–229]. Примечательно, что герой молит не только о спасении от физической смерти, но и от духовной гибели: «Да оградит тебя Господь / От Князя огненной печали, / Тоской пытающего плоть <...> Да не смутият души твоей / Ни гнева сладостный елей, / Ни мести жгучее лобзанье» [6. Т. 1. С. 229]. Стихотворение диалогично. Императивная форма молитвы позволяет включить в текст стихотворения не только Бога, которого молит о спасении герой, но и его друга, к которому он диалогически обращается. Субъектная организация на протяжении стихотворения меняется. Если сначала герой говорил от лица лирического «мы», не отделяя себя от друга и подчеркивая общность судьбы («Мы, столь различные душою, / Единый пламень берегли, / И братски связаны тоскою / Одних камней, одной земли»), «Снастили мы одну ладью / И... крылатый парус напрягали / У Киммерийских берегов»), то далее следует переход к разделению «мы» на «я» и «ты», что подчеркивает различие путей: друг оказывается в «круговороте битв», лирический герой же остается в стороне от сражений.

Следующее стихотворение продолжает тему спасения от трихин мести и злобы, от вовлеченности в кровопролития и битвы. Будучи смыт волною на мирный берег, лирический герой в следующем стихотворении «Пролог» оказывается, как автор Откровения, восхищен от земли: «В начальный год Великой брани / Я был восхищен от земли» [6. Т. 1. С. 230], что отсылает к четвертой главе Апокалипсиса: «...и прежний голос, который я слышал как бы звук трубы, говоривший со мною, сказал: *взойди сюда, и покажу тебе, чему надлежит быть после сего*» (Откр. 4:1). Далее в стихотворении вновь возникает мотив вслушивания в нарастающий, приближающийся шум: «И, на замок небесных сводов / Поставлен, слышал, смуты полн, / Растущий вопль земных народов, / Подобный реву бурных волн» [6. Т. 1. С. 230]. После героя является «Вестник», многоочитый и шестикрылый: «И с высоты непостижимой / Низвергся

Вестник, оку зримый <...> Шестикрылый и покрытый / Очами с ног до головы». Вестник кидает на землю ключи от земных бездн, отворившись, они низвергают тучи саранчи. Ключи от бездны, извергающей тучи саранчи, в тексте Откровения имеет звезда, падшая с неба на землю после того, как вострубил пятый Ангел: «Пятый ангел вострубил и <...> из дыма вышла саранча на землю, и дана была ей власть, какую имеют земные скорпионы» (Откр. 9:1, 3). Затем шестикрылый Вестник начертывает на «вратах земных пещер»: «Любовь воздай за меру мерой, / А злом за зло воздай без мер» [6. Т. 1. С. 230]. Этот призыв к мести роднит Вестника с образом «Ангела мщенья». Познав тайны будущего («знанием звездной тайны связан»), герой низвергается вниз. Таким образом, лирический герой обладает знанием о грядущем и в происходящем видит осуществление того, что было ему открыто на небесах. Стихотворение представляет собой контаминацию разных образов Апокалипсиса. То, что в Откровении Иоанна Богослова исполняют разные Ангелы, причем вовсе не указывается, что они шестикрылые, то в стихотворении Волошина выполняет один Вестник с шестью крылами, напоминающий серафима. В Апокалипсисе образы шестикрылых серафимов отсутствуют, упоминаются лишь четыре многоочитых животных с шестью крылами, роль вестников для героя Откровения они не выполняют. Волошин же Вестником лирического героя делает именно шестикрылое многоочитое существо, напоминающее серафима, что, думается, неслучайно, так как этот образ обнаруживает корни в поэтической традиции: начиная с пушкинского «Пророка» серафим осмысливается как вестник поэтов. Серафим в Библии не выступает вестником, эту роль чаще всего выполняет или просто ангел, или архангел Гавриил. Как вестник, и не кому-нибудь, а именно поэту-пророку, образ Серавима осмыщен у Пушкина, таким образом, связь шестикрылого Вестника с пушкинским «Пророком» очевидна. Нельзя не вспомнить и стихотворение Блока 1901 г.: «Небесное умом не измеримо, / Лазурное сокрыто от умов. / Лишь изредка приносят серафимы / Священный сон избранникам миров» [10. Т. 1. С. 91]. Если пророк Пушкина обретает духовное зрение, то героя Блока и Волошина с опорой на пушкинскую традицию осмысливаются как уже обладающие духовным зрением и вещим даром в силу того, что они поэты. Стихотворение «Пролог» заканчивается утверждением лирическим героем того, что он обладает знанием истинного смысла происходящего: «Один среди враждебных ратей – / Не их, не ваш, не свой, ни чей – / Я голос внутренних ключей, / Я семя будущих зачатий». Итак, то, что потаенно и сокрыто во внешнем мире, явлено в голосе поэта, способного прозревать явления, которые только прорастают в мире. Образы, отсылающие к Апокалипсису, а также воспроизведение стилистики библейской речи – перечисление событий по принципу нанизывания, обилие анафорических «и» – сближают говорящего с автором Откровения. Но внесенные в заимствованные в образы изменения, а также явление шестикрылого Вестника раскрывают в говорящем поэта, обладающем даром пророческого предвидения. Стихотворение «Пролог» Волошин планировал поместить в начало цикла «Война», все остальное

должно было стать звучанием голоса «внутренних ключей», раскрытием пророческого знания, исполнением предсказаний поэта-пророка. Оказалвшись на спасительном берегу, в стороне от военных действий лирический герой занимает пассивную позицию наблюдателя, поющего о событиях своего времени и их будущих последствиях, что сближает его с пушкинским Арионом.

В следующем стихотворении «Армагеддон» герой переносится в еще более далекое будущее: к миру конца времен в преддверии последней битвы царей земных, в которой должны быть уничтожены полчища Антихриста (Откр. XVI, 14-16). Стихотворению предписан эпиграф из Апокалипсиса. Сюжетом стихотворения является эпизод из Откровения, указанный в эпиграфе. Лирический герой оказывается в Армагеддоне – месте последней битвы, будучи поэтом-пророком, желающим познать конечные судьбы мира, он уподоблен автору Откровения, которому было явлено, чему надлежит быть в конце времен. Однако если голос автора Откровения бесстрастен, то голос лирического героя трепещуще-взволнован («пронзил испуг», «упало сердце человечье», «тоскою мне сдавило горло»). Таким образом, эпическая струя библейской речи преобразуется в лирическую струю. В черновом автографе стихотворения «Пролог» присутствовал и характерный мотив «вслушивания» поэтом в будущее: «Я был восхищен от земли... / И в глубине небесных сводов / Я долго слушал, как растет, / Великий вопль земных народов, / Подобный реву многих вод» [6. Т. 1. С. 408]. Так как герой вслушивается не в землю, а в небо, пытаясь узнать Предначертанное Богом, то он не прикасает ухом земле, а возносится на небо.

Мотив вслушивания находит продолжение в следующем стихотворении «Не ты ли...»: «Не ты ли / Поэта кинул / На стогны мира / Быть оком и ухом». В первой редакции на этом месте были слова «Не ты ли поэта / Призвал из пустыни / И кинул в пламя плавильной печи?» [6. Т. 1. С. 409], более явно отсылающие к пушкинскому пророку, которого «Бога глас» также отсылает из пустыни «обходить моря и земли». Если автор Откровения является сторонним наблюдателем и бесстрастно фиксирует являемые видения, то герой цикла «Война» является свидетелем не того, что должно наступить во временном отдалении, но того, что уже разворачивается, поэтому он не бесстрастно наблюдает, но страстно вопрошают Того, по чьей воле происходит наблюданное. Здесь получает развитие заданный в первом стихотворении мотив неутоленной веры: «Не ты ли / Неволил разум / Принять свершенье/ Непостижимых / Твоих путей / Во всем гореньи / Противоречий, / Для человечьей стесненной мысли?». Не имея сил «человечьей стесненной мысли» постичь смысл происходящего, поверить в провиденциальность событий, герой, подобно евангельскому герою, просившему «помочь его неверью», молит: «Так дай же силу / Поверить в мудрость / Пролитой крови; / Дозволь увидеть сквозь смерть и время / Борьбу народов, / Как спазму страсти, / Извергшей семя / Всемирных всходов!» [6. Т. 1. С. 235]. Хилиастические чаяния лирического героя более явно выражены в первоначальной

редакции стихотворения: «Дай мне подняться / На ту высоту, / Откуда великая битва народов / Является страстным объятьем любви, / В котором прольется на землю / Семя / Грядущего мира» [6. Т. С. 410]. Таковое осмысление «борьбы народов» отсылает к «Эллинской религии страдающего бога» Вяч. Иванова, представляющей собой апологию стихии и страсти, бунт против всего статичного. По мысли Вяч. Иванова, считающего, что все противоположное родственно друг другу и все явления жизни антиномичны, дионисизм, стихийный разгул есть путь к гармонии, к синтезу, потому что в момент преизбытка дионаисийского восторга происходит разрыв граней отдельного существования и осуществляется прорыв к целостности.

Но если в стихотворении «Не ты ли» герою трудно было поверить, что «борьба народов» есть семя «грядущего мира», то в стихотворении «Усталость» мольба героя о даровании сил поверить приводит к спокойной убежденности в наступлении конечного мира, эмоционально-вовлеченный в происходящее, сомневающийся и борющийся голос героя преобразуется в бесстрастно-отстраненное повествование от третьего лица, которое, будучи отнесено к будущему, становится пророчеством: «И для гнева вдруг иссянет время, / Братской распри разомкнется круг, / Алый Всадник потеряет стремя, И оружье выпадет из рук» [6. Т. 1. С. 236]. Содержание приведенной строфы определяется не только отсылкой к указанной в эпиграфе цитате из пророка Исаи: «Трости надломленной не преломит и льна курящегося не угасит» (Ис. 42:3), но и представляет контаминацию другого места той же пророческой книги, отсылает ко второй главе: «И будет он судить народы и обличит многие племена; и перекуют мечи свои на орала и копья свои – на серпы: не поднимет народ на народ меча и не будет более учиться воевать» (Ис., 2:4). Образ «Алого Всадника» взят из откровения Иоанна Богослова, что не случайно, так как вторая глава Исаи начинается именно с возвещения того, что будет в конце мира: «И будет в последние дни, гора дома Господня будет поставлена во главу гор...» (Ис., 2:2). Говорится именно об «Алом Всаднике» из четырех упомянутых в Апокалипсисе, потому что с ним связано отсутствие мира на земле и вражда: «И вышел другой конь, рыжий; и сидящему на нем дано взять мир с земли, и чтобы убивали друг друга» (Откр., 6:4). Стихотворение уподоблено пророческой речи и как бы представляет собой видение, подобное библейскому: распри, войны и следующее за ними наступление вечного мира. Но если библейский пророк живет в мирное время и описывает, что отнесено к далекой перспективе будущего, то в стихотворении, несмотря на несколько отстраненный тон, описывается то, что уже началось: «И тогда как в эти дни война...». Войны уже начались, народы уже напоены «яростным вином», осталось ожидать обетованного в библейском тексте мира. Таким образом, повествование как бы ведется от лица пророка, но не древности, а современности. Эпиграф, представляющий цитату из книги Исаи, и содержание стихотворения, отсылающее к этой же книге, позволяют воспринять стихотворение как поэтическое переложение пророческой книги, а в бесстрастном повествователе увидеть пророка.

Стихотворение завершает цикл «Война» и по смыслу имеет значение логического конца, развертывающегося в цикле сюжета: распри и войны, апокалиптические бедствия закончатся, на земле окончательно воцарится мир.

Объединяющей темой цикла «Война» являются предвестия и предзнаменования еще не наступивших катастроф, пророчества о грядущих бедствиях и наступлении хилиастического конца. Стихотворения связаны между собой мотивами, перекочевывающими из одного стихотворения в другое. Прослеживается цепочечная связь: слова и образы, упомянутые в одном стихотворении, получают развитие в последующем. Так, например, если в первом стихотворении лирический герой жаждет причаститься тоске своей земли («Твоей *тоске* причаститься»), то образом следующего стихотворения становится плоть мира, объятая всеобщей тоской, которой причастен и сам герой («Все во мне и я во всех: одной / И одна – *тоскою* плоть *объята*»). В последующем стихотворении «*томимый снами*» герой укрывается от «*близкой непогоды*» в спасительном ковчеге. Далее образ «*непогоды*» раскрывается как образ грядущих военных действий, приближение которых герой слышит как «*вспыхивающую глухо желчь и кровь земли*». Образ земли, вскипающей кровью, порождает в следующем стихотворении образ Недоброго

селятеля, связанный с образом «дьявольского сева» последующего стихотворения, где стремление героя спастись от «*зерен плевель*» реализуется затем спасением от «*круговорота битв*» («*Во сне меня волною смыло*») на мирном берегу. Оказавшись вдали от военных действий, герой становится избранным, которому раскрывается смысл и дальнейший ход событий (стихотворения «Пролог» и «Армагеддон»). Последнее же стихотворение «*Усталость*» предрекает финал происходящего и выражает веру героя в благой конец и осуществление хилиастических чаяний. Таким образом, в цикле можно проследить развитие сюжетной линии, связанной образом лирического героя, который проделывает путь от установки постичь бытие своей Родины (Дай слов за тебя молиться, / Понять твое бытие) к получению откровения о последствиях и finale происходящих событий. Целостность цикла основывается и на сквозных образах-лейтмотивах. Здесь могут быть названы мотивы тоски, зерен и плевел, дьявольского сева, неутоленной веры и порыв героя спастись от воздействия трихин, влекущих к духовной гибели. Объединяющей в цикле является тема войны, все стихотворения представляют собой осмысление героями военных действий, стремление раскрыть духовные причины войны, узнать о ее последствиях и о том, к какому финалу ведут «великие шумы ратные».

Примечания

¹ В письме военному министру Д.С. Шуваеву Волошин писал, что «лучше быть убитым, чем убивать» и «лучше быть побежденным, чем победителем, так как поражение на физическом плане есть победа на духовном» [6. Т. 10. С. 540].

² Здесь и далее курсив мой – А.А.

Список источников

1. Тинникова А.С. Структурообразующая роль заглавия в книге М.А. Волошина «Неопалимая Купина» // Новый филологический вестник. 2017. № 1 (40). С. 93–104.
2. Аристова (Тинникова) А.С. Образ природной стихии в книге М.А. Волошина «Неопалимая Купина» // Новый филологический вестник. 2017. № 3 (42). С. 123–136.
3. Аристова А.С. Книга стихов М.А. Волошина «Неопалимая Купина»: проблема художественной целостности и историко-литературного комментария : дис. ... канд. филол. наук. М. : ИМЛИ РАН, 2019. 284 с.
4. Аристова А.С. К анализу стихотворения М.А. Волошина «Россия» // Динамическая поэтика / поэтическая динамика : сб. статей к юбилею Д.М. Магомедовой. М. : ИМЛИ, РГГУ, 2019. С. 81–87.
5. Орлова Е.И. М. Волошин и Первая мировая война // Медиаскоп. 2014. № 2. URL: <https://www.mediascope.ru/1555>
6. Волошин М.А. Полное собрание сочинений : в 13 т. М., 2011.
7. Тютчев Ф.И. Стихотворения. М., 1868.
8. Достоевский Ф.М. Собрание сочинений : в 15 т. Л., 1989. Т. 5.
9. Хомяков А.С. Сборник избранных стихотворений с портретами и биографиями для семьи и школы / под ред. [и со вступ. ст. «Славянофилы-москвичи»] Д.И. Тихомирова. М., 1910.
10. Блок А.А. Полное собрание сочинений : в 8 т. М., 1962.
11. Тютчев Ф.И. Полное собрание сочинений и писем : в 6 т. М., 2002.
12. Сказание о Мамаевом побоище // Библиотека литературы Древней Руси. СПб., 1999. Т. 6.
13. Гаспаров М.Л. Русские стихи 1900-х – 1925-х гг. в комментариях. М., 1993.
14. Глебов Г. С. Об «Арионе» // Пушкин: Временник Пушкинской комиссии. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1941. [Вып.] 6.
15. Basom A.M. Destruction of the Spirit: War in Voloshin's «Drugu» and «Pushkin's "Arion"» // Rocky Mountain Review of Language and Literature. 1995. Vol. 49, № 2. P. 119–137.
16. Якушкин В.Е. О Пушкине. М., 1899.
17. Пушкин А.С. Собрание сочинений : в 10 т. М., 1959–1962.

References

1. Tinnikova, A.S. (2017) *Strukturoobrazuyushchaya rol' zaglaviya v knige M. A. Voloshina "Neopalimaya Kupina"* [The structure-forming role of the title in the book by M. A. Voloshin "The Burning Bush"]. *Novyy filologicheskiy vestnik*. 1 (40). pp. 93-104.
2. Aristova (Tinnikova), A.S. (2017) *Obraz prirodnoy stikhii v knige M. A. Voloshina "Neopalimaya Kupina"* [The image of the natural elements in the book by M. A. Voloshin "The Burning Bush"]. *New Philological Bulletin*. 3 (42). pp. 123-136.
3. Aristova, A.S. (2019) *Kniga stikhov M. A. Voloshina "Neopalimaya Kupina": problema khudozhestvennoy tselostnosti i istoriko-literaturnogo kommentariya* [The book of poems by M. A. Voloshin "The Burning Bush": the problem of artistic integrity and historical and literary commentary]. Philology Cand. Diss.
4. Aristova, A.S. (2019) K analizu stikhotvorenija M. A. Voloshina "Rossiya" [To the analysis of M. A. Voloshin's poem "Russia"]. In: *Dinamicheskaya poetika / poeticheskaya dinamika: sb. statej k yubileyu D. M. Magomedovoy*. [Dynamic poetics / poetic dynamics: collection of articles for the anniversary of D. M. Magomedova]. Moscow: IMLI, RSUH. pp. 81-87.

5. Orlova, E.I. (2014) *M. Voloshin i Pervaya mirovaya voyna* [M. Voloshin and the First World War]. *Mediascope*. 2.
6. Voloshin, M.A. (2003–2011) *Poln. sobr. soch.: v 13 t.* [Complete works: in 13 volumes]. Moscow: Ellis Lak .
7. Tyutchev, F.I. (1868) *Stikhotvoreniya* [Poems]. Moscow.
8. Dostoevsky, F.M. (1988–1996) *Sobr. soch.: v 15 t.* [Collected Works: in 15 volumes]. Leningrad: Nauka.
9. Khomyakov, A.S. (1910) *Sbornik izbrannых stikhotvoreniy s portretami i biografiyami dlya sem'i i shkoly* [Collection of selected poems with portraits and biographies for family and school]. Moscow.
10. Blok, A.A. (1960–1965) *Poln. sobr. soch.: v 8 t.* [Complete works: in 8 volumes]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.
11. Tyutchev, F.I. (2002–2005) *Polnoye sobraniye sochineniy i pisem v shesti tomakh* [Complete collected works and letters in six volumes]. Moscow: Izdateльский центр "Klassika".
12. Anon. (1999) *Skazaniye o Mamayevom poboishche* [The Tale of the Battle of Mamai]. In: *Biblioteka literatury Drevney Rusi* [Library of Literature of Ancient Rus]. V. 6. St. Petersburg.
13. Gasparov, M.L. (1993) *Russkiye stikhi 1900-kh–1925-kh gg. v kommentariyakh* [Russian poems of the 1900s–1925s in comments]. Moscow: Fortuna Limited.
14. Glebov, G. S. (1941) Ob "Arione" [About "Arion"]. In: *Pushkin: Vremennik Pushkinskoy komissii* [Pushkin: Provisional Book of the Pushkin Commission]. Moscow; Leningrad: Publishing house of the USSR Academy of Sciences, 6.
15. Basom, A.M. (1995) Distraction of the Spirit: War in Voloshin's "Drugu" and "Pushkin's "Arion". *Rocky Mountain Review of Language and Literature*. 49 (2). pp. 119–137.
16. Yakushkin, V. E. (1899) *O Pushkine* [About Pushkin]. Moscow: M. i S. Sabashnikovy.
17. Pushkin, A.S. (1959–1962) *Sobr. soch.: v 10 t.* [Collected works: in 10 volumes]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.

Информация об авторе:

Аристова А.С. – канд. филол. наук, старший научный сотрудник научной лаборатории «Rossica: Русская литература в мировом культурном контексте» Института мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук (Москва, Россия). E-mail: atinnikova@bk.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

A.S. Aristova, Cand. Sci. (Philology), senior research fellow, Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation). E-mail: atinnikova@bk.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 13.05.2025;
одобрена после рецензирования 06.09.2025; принята к публикации 30.09.2025.

The article was submitted 13.05.2025;
approved after reviewing 06.09.2025; accepted for publication 30.09.2025.